

**Сергей Викторович
КОРОЛЕВ,**

главный научный сотрудник
сектора международного
права Института
государства и права
Российской академии наук,
доктор юридических наук,
профессор
sko.05@mail.ru
119019, Россия, г. Москва,
ул. Знаменка, д. 10

**Ирина Сергеевна
ЛЯЛИНА,**

научный сотрудник
сектора международного
права Института
государства и права
Российской академии наук,
кандидат юридических наук
irlyalina@yandex.ru
119019, Россия, г. Москва,
ул. Знаменка, д. 10

© Королев С. В.,
Лялина И. С., 2023

Интернет-право и кибербезопасность КНР

Аннотация. История возникновения и последующей трансграничной эволюции интернет-права по всему миру носит в некотором смысле парадоксальный характер. Создатели первой версии Интернета как информационной системы национальной безопасности вряд ли предполагали, что правовое регулирование Интернета, и прежде всего в Западной Европе, подпадет под влияние романо-германской системы права. Речь идет о базовом для континентальной Европы делении национального правопорядка на право публичное (*jus publicum*) и право частное (*jus privatum*). Соответственно, кибербезопасность и прочие публичные потребности Интернета в континентальной Европе стали предметом регулирования публичного интернет-права. Напротив, специфика и защита индивидуальных прав пользователей и предпринимателей в интернет-пространстве стали предметом регулирования частного интернет-права. В контексте такой дифференциации интернет-пространства особый интерес представляет опыт КНР, где соотношение публичной потребности и частного интереса в силу специфики китайской цивилизации невозможно интерпретировать в духе западноевропейского дуализма.

Ключевые слова: интернет, интернет-право, кибербезопасность, публичное интернет-право, частное интернет-право.

DOI: 10.17803/2311-5998.2023.102.2.162-167

SERGEY V. KOROLEV,

Chief scientific researcher, the Department of international law,
Institute of State and Law of Russian Academy of Sciences,
Dr. Sci. (Law), full professor
sko.05@mail.ru

10, ul. Znamenka, Moscow, Russia, 119019

IRINA S. LYALINA,

Scientific researcher, the Department of international law,
Institute of state and law of Russian Academy of Sciences, Cand. Sci. (Law)
irlyalina@yandex.ru

10, ul. Znamenka, Moscow, Russia, 119019

Internet law and cybersecurity of the PRC

Abstract. The history of the emergence and subsequent cross-border evolution of Internet law around the world is, in a sense, paradoxical. The creators of the first version of the Internet as a national security information system hardly imagined that the legal regulation of the Internet, primarily in

Western Europe, would fall under the influence of the Romano-Germanic legal system. We are talking about the basic division of the national legal order for continental Europe into public law (jus publicum) and private law (jus privatum). Accordingly, cybersecurity and other public needs of the Internet in continental Europe have become the subject of public Internet law. On the contrary, the specifics and protection of the individual rights of users and entrepreneurs in the Internet space have become the subject of regulation of private Internet law. In the context of such differentiation of the Internet space, the experience of the PRC is of particular interest, where the ratio of public need and private interest, due to the specifics of Chinese civilization, cannot be interpreted in the spirit of Western European dualism.

Keywords: internet, internet law, cybersecurity, public internet law, private internet law.

Интернет-право Китайской Народной Республики (КНР) находится в постоянной динамике. Основными факторами этой динамики, на наш взгляд, являются трансграничный характер Интернета, с одной стороны, и национальная специфика — с другой. В принципе, в любой стране мира правовое регулирование отражает оба указанных аспекта, при этом трансграничный характер Интернета можно назвать объективным фактором, а национальную специфику — субъективным. Именно последний аспект отвечает за то, насколько интернет-право той или иной страны является национальным и в конечном итоге — суверенным¹.

Интернет как феномен возник первоначально исключительно как инструмент Пентагона или — в нейтральных терминах — как инструмент национальной безопасности США. Другими словами, Интернет — это прежде всего предмет публичного права. В момент зарождения Интернета ничто не предвосхищало дифференциацию интернет-права на публичное и частное, как, например, в современной Германии². Отсюда — сквозная проблематика любого национального интернет-права, а именно соотношение публичного интернет-права и субъективных интернет-прав.

Китайский подход к этой проблематике имеет, по нашему убеждению, особое значение для тех стран, которые отказались идти в фарватере специфических эскапад западного либерализма. Несмотря на всю ультрасовременность и технологичность, китайское киберпространство и, соответственно, интернет-право КНР органично интегрированы в традицию того, что Фридрих Карл фон Савиньи назвал бы «китайским народным духом» (der chinesische Volksgeist)³.

Одной из древнейших манифестаций китайского народного духа является, скорее, тривиальное убеждение в том, что в природе (мироздании) существует

¹ См.: Fletcher P. Governing in the Internet Age in the National Interest. Melbourne : Monash University publishing, 2022. 96 p.

² См.: Paschke M. Medienrecht. 3. Aufl. Heidelberg, Dordrecht etc.: Springer Verlag, 2009. 548 S.

³ См.: Lahusen B. Alles Recht geht vom Volksgeist aus: Friedrich Carl von Savigny und die moderne Rechtswissenschaft. Weilerswist : Dittich Verlag, 2019. 185 S.

порядок, и совсем нетривиальное следствие из этого, что естественный порядок вещей и социальный порядок взаимодействуют. С отрицательной стороны это означает, что социальный *непорядок* неизбежно посягает и на естественный порядок вещей.

Следует отметить *проактивный*, а не реактивный характер взаимодействия естественного порядка и социального порядка. Речь идет не просто об имитации естественных (космических) принципов в повседневном взаимодействии людей, речь идет об *убеждении*, что правильное (гармоничное) взаимодействие оказывает благоприятное влияние на окружающий мир. И наоборот: социальные распри, социальная рассогласованность, вражда оказывают пагубное воздействие на естественный порядок вещей⁴.

По крайней мере, с середины первого тысячелетия до н.э. и вплоть до начала XX в. социокультурную парадигму китайской цивилизации определяло взаимодействие двух традиций — конфуцианской и легистской. Центральной категорией конфуцианства является термин *ли*. Его пиктографические истоки двойственны: согласно одной версии древнейшая пиктографическая версия иероглифа *ли* восходит к обозначению разметки и размежевания полей. Так, правая часть иероглифа состоит из знаков «поле» и «почва»⁵. Отсюда терминологическое значение иероглифа *ли* как космического структурирующего начала или алгоритма.

С идеей алгоритма связана конкурирующая интерпретация пиктографических истоков термина *ли* как культового, церемониального действия с сосудом. Другими словами, согласно этой версии графическую основу обоих иероглифов термина *ли* составляет изображение ритуального сосуда⁶. В древнейших памятниках («Шу цзин» и «Ши цзин») категория *ли* обозначала обряды, дающие возможность преодолеть политические конфликты и отражающие единство мира, а также храмовые и дворцовые ритуалы, формы поведения сановников по отношению к народу. Конфуций (VI—V вв. до н.э.), теоретически осмыслив понятие *ли*, превратил его в самую общую характеристику правильного общественного устройства и поведения человека по отношению к другим и к себе: «Правитель [должен] руководить подданными посредством *ли*»⁷.

Школа законников, или легистская традиция, возникла как радикальный антипод конфуцианской традиции. Центральной категорией легизма является термин *фа*. Его первоначальное аморфное значение можно передавать и словом «образец», и словом «правило», и словом «метод»⁸. Благодаря своей «методологической» коннотации, термин *фа* в долегистском прочтении не противостоит, а дополняет значение слова *ли* в качестве «ритуала, благонравия». Слово *фа* состоит из двух иероглифов (*shui* = вода) и (*qu* = идти). «Вода» символизирует фундаментальный принцип жизни. Глагол «идти» в данном контексте означает удаляться от зла, т.е. от плохих нравов. Технический вид слово *фа* приобретает посредством добавления еще одного иероглифа, именно иероглифа *лю*, что

⁴ Escarra J. Le droit chinois. [1936]. P. 8 // URL: <http://classiques.uqac.ca/>.

⁵ URL: <http://philosophy.niv.ru/doc/dictionary/chinese-philosophy/articles/92/ceremonii.htm>.

⁶ Китайская философия : энциклопедический словарь / под ред. М. Л. Титаренко. М. : Мысль, 1994. С. 194.

⁷ Китайская философия : энциклопедический словарь. С. 194.

⁸ Китайская философия : энциклопедический словарь. С. 415.

означает «дисциплинировать, контролировать». Соответственно, термин *фалю* приобретает неустрашимую легистскую коннотацию.

По необходимости прозападная юридическая терминология в социокультурном контексте Китая имеет как бы два уровня, а именно верхний уровень юридического формализма и глубинный уровень, отражающий неизбежные конфуцианские и легистские коннотации любого формально нейтрального термина. Вместе с тем нельзя проводить резкую грань между двумя указанными традициями китайского миро- и правосознания. Этому препятствует уже базовый символ китайской мифологии, а именно *инь-ян* как символ женского и мужского начала.

На уровне правосознания и конфуцианская, и легистская традиции черпают свою силу и аргументы во всеобъемлющем китайском номинализме (= школа *мин цзя*)⁹. На наш взгляд, попытки искать аналогию в схоластическом номинализме Запада будут сомнительны, по крайней мере, по двум обстоятельствам. Во-первых, китайский номинализм является иероглифическим, а не фонологическим, как в схоластике: одно дело мыслить иероглифами, т.е. образами, другое дело — пытаться найти фонологическое обоснование наших представлений о мироздании. Во-вторых, китайский номинализм — это прежде всего социальная практика. Она базируется на конфуцианской доктрине «исправления имен». Практика же «исправления имен» представляет собой совершенно «бесплезное» занятие с точки зрения западного (фонологического) номинализма.

Соответственно, дополнительной аргументации потребует и попытка найти аналогию между китайским *номинализмом*, с одной стороны, и западным *формализмом* в духе идеологии юридического позитивизма — с другой. Ясно, что любой китайский иероглиф имеет собственную уникальную *форму*. Однако эта форма лишь фиксирует материальную, и — в западных терминах — «магическую» природу иероглифа, его сводимость к пиктографическому источнику (изображению огня, дерева, женщины, лошади и т.д.).

С китайским номинализмом по понятным причинам тесно переплетается конфуцианская теория «исправления имен». Ее обычно рассматривают в контексте социальной этики. Однако не менее интересна прагматическая коннотация этой теории, например в области права. В принципе, каждый китайский юрист проявляет и утверждает свою компетенцию как раз тем, насколько он владеет *юридической* техникой «исправления имен». Согласно китайскому номинализму однажды произнесенное слово приобретает собственную инерцию или даже динамику. Правильный социальный порядок *полностью* зависит от динамизма принципов, категорий, образов, на которых он зиждется, вот почему некоторые слова не следует ни произносить, ни переносить на бумагу¹⁰.

Возвращаясь в контексте заявленной темы к современному взаимодействию конфуцианства и легизма, можно утверждать, что термин «интернет-право» в *объективном* смысле, скорее, опирается на легистскую традицию *фа* (= закон в духе римской максимы: *dura lex sed lex*)¹¹. Напротив, термин «интернет-право» в *субъективном* смысле, скорее, опирается на конфуцианскую традицию *ли* (= мораль, благонравие). Соответственно, традиция *фа* отражает одновременно жесткость

⁹ URL: https://www.thezensite.com/zenessays/philosophical/classical_chinese_logic.pdf.

¹⁰ URL: [http://classiques.uqac.ca/ Escarra J. Le droit chinois. \[1936\]. P. 22.](http://classiques.uqac.ca/ Escarra J. Le droit chinois. [1936]. P. 22.)

¹¹ Лат. «закон суров, но это закон».

внешнего социального регулирования. Конфуцианская традиция *ли* отражает добровольное соблюдение нравственных норм без внешнего принуждения.

В этом контексте особый интерес представляет взаимодействие в киберпространстве КНР того, что китайские юристы и политологи, пишущие по-английски, передают терминами *law* и *right*. Дело в том, что китайские «аналоги» этих терминов нельзя считать формальными потому, что практически любой *специальный* термин представляет собой комплекс из нескольких, как минимум двух, иероглифов.

Английский термин *a right* китайцы также «озвучивают» двояко. В банальном, т.е. нетехническом, смысле «правомочия» употребляется слово *quan*. Однако для придания этому слову технического смысла добавляется иероглиф *li* (не путать с конфуцианским омофоном «ли» в значении «мораль»). В результате технический термин *quanli* приобретает значение «правомочие + сила», или же «правомочие + власть». В этой комбинации также четко прослеживается легистский след внешнего социального регулирования.

Другими словами, социокультурная матрица китайского правосознания отторгает, например, всю парадигму западной теории естественных прав, по крайней мере, от Гоббса¹², Локка¹³ и до Руссо¹⁴. В китайском правосознании нет места для парадигмы так называемых естественных прав человека, поскольку эта парадигма плохо совместима с конфуцианской традицией *ли* как внутреннего, добровольного присоединения к общепринятым нормам нравственного поведения.

Подведем итоги и рассмотрим специфику взаимодействия объективного интернет-права в смысле *фалю* и субъективных интернет-прав в смысле *чуанли* на примере дела о мошенничестве и дела о защите личного достоинства. Судебное разбирательство по делу Ли Динг Синг от 1993 г. можно рассматривать в контексте приоритета объективного интернет-права в смысле *фалю* по отношению к институту субъективных интернет-прав в смысле *чуанли*. В октябре 1993 г. ответчик Ли Динг Синг приобрел акции компании «Цзиансу Саншан Индастри» и просчитался, так как компания оказалась весьма убыточной. Для восполнения финансовых потерь ответчик организовал рекламную компанию в СМИ, в которой распространил ложную информацию о деталях приобретения компании. В результате стоимость ее акций существенно возросла. При публичном слушании суд постановил, что ответчик сфабриковал и распространил ложную биржевую информацию. Ли Динг Синг был приговорен к двухгодичному тюремному заключению и штрафу в размере 10 тысяч юаней¹⁵.

Напротив, дело «Си Хонг против “Женьминь Жибао”», скорее, символизирует приоритет субъективных интернет-прав в смысле *чуанли* по отношению к объективному интернет-праву в смысле *фалю*. В данном деле *фалю* как формальная совокупность правил, регулирующая медийное и интернет-пространство КНР, явно уходит на второй план по сравнению с тем, что китайское правосознание

¹² См.: *Bobbio N.* Hobbes and the Natural Law Tradition. Translated by D. Gobetti. Chicago ; London : The University of Chicago press, 1993. 229 p.

¹³ См.: *Simmons A. J.* The lockean Theory of Rights. Princeton : Princeton University press, 1992. 387 p.

¹⁴ См.: *Pezzillo L.* Rousseau et le Contrat social. Paris : PUF, 2000. 128 p.

¹⁵ *Guasong Sh.* Internet Law in China. Oxford etc. : Chandos Publishing, 2012. P. 111.

воспринимает как «правомочие-власть» индивида, т.е. *чуанли*. Фабула дела следующая: 20 июля 1988 г. главный печатный орган КПК «Женьминь Жибао» опубликовал критическую статью по поводу строительства Кашгар Сити. Руководство стройки подверглось критике из-за неумения взять под контроль рабочий персонал. В качестве «образцового лентяя и вечно недовольного жалобщика» был избран реальный рабочий по имени Си Хонг. В защиту своей чести и достоинства Си Хонг подал иск против «Женьминь Жибао». Дело не двигалось с места до 1989 г. Но и в последующие три года ответчик, т.е. центральная партийная газета КНР, игнорировала регулярные вызовы в суд. Лишь в 1992 г. дело было рассмотрено в судебном порядке, но окончательное урегулирование произошло лишь в 1997 г. в рамках (досудебной) медиации¹⁶.

Итоговые выводы

1. Китайское правосознание отвергает идею естественных *субъективных* прав. Для менталитета любого китайца, не обязательно юриста, сама идея *принципиальной* первичности субъективного права, например, в духе Томаса Гоббса, невозможна. И базовый термин конфуцианской традиции *ли*, и базовый термин легизма *фа* являются деонтологическими, т.е. сфокусированы на (внутренне или внешне ориентированной) обязанности, а не на личном праве.
2. Соответственно, и в интернет-пространстве можно презюмировать приоритет объективного (национального) интернет-правопорядка в смысле *фалю* над индивидуальными «интернет-правомочиями» в смысле *чуанли*. Обстоятельства рассмотренного дела «Си Хонг против “Женьминь Жибао”» наглядно свидетельствуют о слабом ресурсе *чуанли*, когда дело доходит до символов *фалю*, в данном случае — в виде авторитетнейшей газеты КНР.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Китайская философия : энциклопедический словарь / под ред. М. Л. Титаренко. — М. : Мысль, 1994.
2. *Bobbio N.* Hobbes and the Natural Law Tradition / translated by D. Gobetti. — Chicago ; London : The University of Chicago Press, 1993.
3. *Escarra J.* Le droit chinois. — [1936].
4. *Fletcher P.* Governing in the Internet Age in the National Interest. — Melbourne : Monash University publishing, 2022.
5. *Guasong Sh.* Internet Law in China. — Oxford etc. : Chandos Publishing, 2012.
6. *Lahusen B.* Alles Recht geht vom Volksgeist aus: Friedrich Carl von Savigny und die moderne Rechtswissenschaft. — Weilerswist : Dittich Verlag, 2019.
7. *Paschke M.* Medienrecht. — 3. Aufl. — Heidelberg ; Dordrecht etc. : Springer Verlag, 2009.
8. *Pezzillo L.* Rousseau et le Contrat social. — Paris : PUF, 2000.
9. *Simmons A. J.* The lockean Theory of Rights. — Princeton : Princeton University Press, 1992.

¹⁶ *Guasong Sh.* Op. cit. P. 119—120.